

Встречи по вашей просьбе

СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ

Почти четверть века назад в Хабаровске вышел первый роман Петра Проскурина «Глубокие раны». В нем рассказывалось о минувшей войне, героической борьбе брянских подпольщиков. И был в нем такой эпизод. Юный герой, совсем еще мальчишка, Андрей Веселов задумался о том, что успел сделать. Размышляя о жизни, о войне, он записал тогда в заветной тетради о себе и своих друзьях: «Не годы сделали нас взрослыми». А дальше подчеркнул: «Война научила нас мыслить. За короткое время она открыла нам то, что другой не узнает и за всю свою жизнь».

Это признание героя в полной мере относится и к автору романа. Да, ему не пришлось принимать участия в боях. Когда началась Великая Отечественная, Проскурину исполнилось тринадцать лет. Но то, что он пережил в те годы, запомнилось навсегда. Война стала самым сильным воспоминанием его детства.

— В августе сорок первого года на Брянщину, где жила тогда наша семья, пришли фашисты, — рассказывает Петр Лукич. — Настали самые мрачные дни. Я и сейчас отчетливо помню начало оккупации. До сих пор перед глазами стоит картина. Я был в Севске. Неожиданно на моем пути возникло страшное зрелище: три виселицы, на одной из них был повешен мальчишка еще младше меня, лет десяти, — за связь с партизанами. Я стоял как вкопанный. И тут заметил идущую ко мне навстречу бывшую свою учительницу. Увидя мои слезы, она сказала: плакать не надо, погибшие будут отомщены, и дала какой-то мне свертки. В нем находилась книга «Слово о полку Игореве». Это был словно призыв к борьбе.

— Петр Лукич, стало традиционным спрашивать у писателя, как он начинал. Хочу и я спросить об этом: где истоки вашей дороги в литературу?

— В юности многие увлекаются поэзией. Сочинял стихи и я. Однажды, когда служил срочную в Московском округе ПВО, отправил их в армей-

скую газету. Стихи напечатали. Но вскоре увлечение стихами прошло.

После армии долго выбирал, чем заняться. Работал в Грозном, а потом уехал на Камчатку. Был там шофером, лесорубом, сплавщиком. И одновременно пробовал писать. Это были рассказы о людях, с кем вместе трудился, об их богатых и сложных судьбах, об освоении Дальнего Востока. Не давало мне покоя и военное детство. Жанр рассказа здесь уже мало подходил. Слишком о многом хотелось поговорить с читателем. Все чаще приходила мысль о романе.

А через три с половиной года собрался в отпуск. В Хабаровске жил товарищ по камчатскому леспромхозу. Решил заехать к нему. И как-то, гуляя по городу, наткнулся на вывеску: редакция журнала «Дальний Восток». Зашел туда со своими рассказами.

Рассказы прочитал Сергей Леонтьевич Рослый. Он помог их опубликовать в газете «Тихоокеанская звезда» и в журнале, составить первый сборник.

Показал я Рослому и свой незаконченный роман. Я еще сомневался, нужно ли это кому-нибудь. Рослый же посоветовал прервать отпуск, осесть пока в Хабаровске и обязательно завершить роман.

«Это твоя судьба», — говорил Сергей Леонтьевич. И он оказался прав. Роман «Глубокие раны» помог найти мне настоящее призвание. Я всерьез занялся литературным трудом, написал затем романы «Корни обнажаются в бурю» о камчатских лесорубах, «Горькие травы» о первом послевоенном десятилетии, «Исход» о брянских партизанах, другие книги.

Здесь позволю небольшое отступление, которое в чем-то объясняет, почему за короткий срок Проскурин смог утвердить себя в литературе. Недавно я был в Хабаровске. В местной писательской организации до сих пор помнят первые посещения Проскурина. Писатель Виктор Александровский рассказывал мне: «Талантливых авторов,

которые бы увлеченно и со знанием дела писали о войне и современном Дальнем Востоке, было мало. И мы с интересом отнеслись к молодому лесорубу, приехавшему из Петропавловска — Камчатского. Уговорили его использовать отпуск для работы над романом. Ему негде было жить. Я позвонил в общежитие железнодорожного техникума. Договорился. Через несколько дней звоню снова, интересуюсь у коменданта, как устроился камчатский гость. А комендант говорит: заперся в комнате и никуда не выходит; девчата уже не выдержали, стали заглядывать в замочную скважину, чем он занимается, а он с утра и до вечера пишет. Весь техникум на танцах, а он все пишет... Проскурин заканчивал «Глубокие раны». Огромное трудолюбие в сочетании с талантом и знанием народной жизни и помогло добиться Проскурину успехов в литературе».

— Петр Лукич, особой популярностью у читателей пользуется ваша дилогия «Судьба» и «Имя твоё», в которой рассказывается о жизни советского народа в годы великих испытаний и первые послевоенные годы. В своих интервью вы не раз говорили о том, что, работая над дилогией, много читали специальной литературы, посещали архивы, встречались с фронтовиками, выезжали на места боев. Видимо, в процессе этой работы было немало находок и открытий?

— Прежде всего многое я открывал для себя. Если в первых своих произведениях о войне я в основном опирался на впечатления детства, многие события разворачивались на моих глазах (в подполье и партизанах сражались многие друзья нашей семьи, родственники), то в «Судьбе» авторский замысел требовал в чем-то и панорамного изображения военных лет. Мне надо было показать своих героев и на фронте. И здесь я не мог ограничиться сведениями, подчеркнутыми только из мемуаров. Возникла необходимость самому отправиться по местам боев, поговорить на местах сра-

жений с их участниками. И то, что я увидел на Смоленщине, услышал там от фронтовиков, хотя после Победы уже и минуло к тому времени двадцать лет, расширило мои познания о прошлом.

Но были и открытия, касавшиеся не одного меня. Однажды в окрестностях Смоленска с группой ветеранов я увидел танк. Он стоял, точно немой свидетель разернувшихся во время войны на этой земле ожесточенных сражений. Подошли ближе. Открыли люк. И нашли там останки танкиста, который до последнего дыхания мужественно сражался с фашистами...

— Как сочетали вы в своих романах исторический факт и вымысел?

— Когда я приступал к «Судьбе», сюжетные линии главных героев, основные конфликты начали постепенно выстраиваться. Но по мере работы замысел обрстал деталями, подробностями. И неожиданно возникло решение дать в «Судьбе», а затем и в «Имени твоём» два пласта: исторический и вымышленный. Я сознательно ввел реальных исторических лиц. И в то же время, чтобы иметь большую свободу в действиях и в обобщениях, изменил названия городов. В романе «Судьба» события разворачиваются и в Смо-

ленске, и в вымышленном Холмске. Почему? Да потому, что после тех событий, о которых я рассказываю, прошло не так много времени. Живы многие участники боев, их дети, внуки. И мне не хотелось скрывать себя. К тому же некоторые детали уточнить сейчас уже невозможно.

Когда же речь шла о конкретных исторических фактах и научных открытиях, тут я старался не позволять себе никаких отступлений. Консультировался со специалистами. В «Имени твоём» есть эпизод о космическом эксперименте. Некоторым читателям этот эпизод показался вымышленным. Но писался он на основе впечатлений от встреч с физиками, конструкторами и космонавтами.

— В последние годы в печати появилось несколько ваших повестей. Что это — своеобразный отдых или проба сил перед новым романом?

— И отдых, и проба сил, и нечто большее. Работая над повестью, я убедился, что хорошую повесть написать не легче романа и что у повести есть свои преимущества. Повесть позволяет сосредоточить внимание на небольшом пространстве времени и небольшом количестве лиц, пристальнее всмотреться в образы своих героев.

В повестях я обращаюсь к разным темам. В «Полуденных снах», например, рассказываю о жизни физиков. Повесть «В старых ракетах» посвящена судьбе крестьянкой Евдокии Крайновой и ее сына рабочего Василия. События наших дней в ней перебиваются военными воспоминаниями героев. О людях искусства — повесть «Черные птицы». И вместе с тем есть что-то общее во всех повестях. Это общее — в попытках разобраться в сути человеческих отношений, в духовном богатстве героев.

В чем-то повести подготовили меня и к новому роману. Он будет посвящен Москве. В романе прослеживаются судьбы трех поколений интеллигенции. И в то же время я обращаюсь в новом произведении к различным историческим пластам: от времен Петра Первого и до наших дней.

И одновременно заканчиваю автобиографическую книгу. Это не только рассказ о себе, но и размышления о литературном творчестве, об искусстве, воспоминания о встречах с выдающимися художниками слова.

Вяч. ОГРЫЗКО.